

Акварели

Балтика. Январь. Ни неба, ни горизонтов. Только белёся пелена. Дождики. Мокро. Нудно.

Всё! Хочу лютый холод и литой могучий лёд на Амуре. Сейчас напишу настоящий снежный пейзаж.

...Самые трескучие морозы — утренники. Пред рассветом на стылых деревьях накапливает опока — косматая изморозь. От неслышных ветерков лёгкие кудельки тихо опадают, их нежные охапки более белых снегов.

К полудню небо ярко-синее, порою фиалковое, солнце в иголочках зимней радуги. Девчонки варежки к щёчкам прикладывают, озябшие пальчики дыханием греют. Вокруг румяных лиц на пушистых шалях и шапках каждая ворсинка в инее. И на тяжёлых ресницах иней: ах, какими сказочными бриллиантами лучится сквозь них зима...

Но отчего я о зиме? Почему не о лете?

...Уж поверьте, только на моём Амуре бывает летом такое глубокое небо.

Уйти в прибрежную степь и навзначь лечь. Зажать в зубах твёрдую травинку. Смотреть в непостижимую синеву, очаровываясь тихим движением клубящихся облаков. Слушать тонкие трели невидимых птиц, стрекот кузнечиков, звон цикад, громкий шорох крыльев стрекоз, тёплые порывы ветра, доносящие далёкий гвалт речных чаек. Вдыхать волшебные запахи диких цветов...

Импрессии. Есть такая техника в живописи — акварелью по мокрому, пейзажи ею делаются лёгкими прикосновениями тонкой кисти.

Ностальгия

За северным фасадом, взирающим на старый немецкий пруд, в тени нашего дома сугробы ещё сахарные, чуть оплавленные. На самом пруду и его округлых берегах февральские дожди снег растворили: лёд стал мраморным, гладким, с медовыми прожилками заплывших трещин, а на почерневшей земле и над ворохами жухлых прошлогодних листьев распласталась зелёная до изумрудности трава. Никак не могу привыкнуть к этому густо-зелёному ковру, беззаботно являющемуся из-под стаявшего снега. На моей родине в Приамурье сейчас безысходная зима: земля в глубоких рваных трещинах, стывшая до звонкости, донельзя,

лихие заверти гоняют, хлещут жёсткую снежную крупку, и сил нет как отчаяние берёт ждать прихода далёкой весны.

Зато весна на Амуре, начавшись несмелыми проталинками и робкими хрустальными сосульками, — безудержная, бесшабашная. Солнца у нас вволюшку. Притихшие чистые снега истончаются, становятся скандальными мутными ручьями, а те, демонстрируя оптимизм грядущих перемен, миллионами осколков разбитых зеркал разбрасывают по миру резвых и неуловимых солнечных зайчиков. Но и это только начало, ещё прелюдия, чёрно-белое кино, в котором звонкие ерошенные воробьи вместе с солнцем купаются в сверкающих лужах. Следом зазвучат цветные аккорды весенней картины мира, вот-вот прольются.

На покатых склонах амурских сопок, на невзрачных кустиках с крохотными тёмно-глянцевыми вечнозелёными листиками чуть набухшие почки приоткрылись яркими клювиками бутончиков рододендрона. Как бабочка, выходящая из тесного кокона, цветок с трепетом расправляет смятые крылышки: неосторожно-длинные, восторженно изогнутые розовые стеклянные ресницы тычинок и пестика в ювелирном обрамлении пяти восково-прозрачных лепестков. Немыслимо передать словами дивные оттенки этих нежнейших, почти воздушных лепестков. Есть в них радость розового утреннего неба, неги малинового заката, печаль фиолетовых сумерек; это — цвет грациозной божественной японской сакуры, только более чудный, девственный, первозданный и отчаянный. До видимых горизонтов и далеко-далеко за ними сопки светятся сплошным малиново-розовым покрывалом — чарующая цветомузыка заполняет всю весеннюю вселенную.

Кажется, бабочки цветов на кустики только чуть присели: вот-вот встрепенутся и полетят все разом меж стволов тёмных сосен и светлых берёз, над рыжим маньчжурским дубняком, не сбросившим крепкий прошлогодний лист. А потом в потоках холодного, ещё морозного воздуха поднимутся выше, заполнят небо, покружатся и улетят к солнцу, в сказочную страну детства, где все беззаботны и счастливы: и люди, и бабочки, и цветы.

Далее приходит пора амурских подснежников: фиолетовых, синих, тёмно-красных мохнатых колокольчиков. На солнечных сопорах и в тени распадков, в лесах и на берегах — чохом, гурьбой явиться могут всюду, даже на одичалых газонах и в истоптанных городских парках. По-детски застенчивые, стоят они на крепких с сизой серебристой опушкой стебельках, поднимая и клоня из растрёпанных розеток-воротничков головки милых сердцу цветов¹.

Над подснежниками запорхали, кружатся настоящие мотыльки: красно-бурые с голубыми пятнышками в белых с чёрным подзором окружьях. Но благодостное отищие нарушают гулкий рокот и гуд. Откуда ж взяться грому без грозы?

С берегов Амура летят раскаты, трещит лёд на великой реке — апогей весенней симфонии, время её следующей — эпической части. Это ещё не ледоход, а его предтеча. В прибрежных домах стёкла тренькают и тонко поскуливают от речных набатов. Вот уже и ветра́ разбудил Амур: задули, загремели, засвистали, шквалами и дикими сквозняками понеслись вдоль реки. И — охнул лёд, сдлся. Сдвинул Амур ледяной панцирь, потащил, скрежеща в берегах. Лопается, ломается лёд, дыбится громадами заторов. Но герою нет преград, и чёрт ему не брат! Звон, грохот, уханье ледохода сливаются в оглушительный гул, как под колоколом.

...Как-то по весне приехали ко мне в Благовещенск приятели из Иркутска, вывел их на набережную — Амур-батюшку показать. Встали мы на самом краю у чёрных литых столбов с провисшими тяжёлыми цепями. А был, должно, конец апреля — самая вершина ледохода, и грохот стоял такой, что кричать приходилось, чтобы услышали. Неслись по реке огромные льдины, бились, топорщились, набережную цепляли, и вдруг одна, как исполнинский кашалот, вынырнула, бросилась к нам — чудом успели отскочить, — а та зацепила массивные чугунные кнехты ограждения, в ярости вырвала из бетона и, прихватив вместе с коваными цепями, легко утащила в пучину. Мои сибиряки только ахнули: и у себя дома видели они великие реки, и сам Иркутск стоит на берегу немаленькой Ангары, но такой мятежной силищи ещё не встречали.

...Много дней тянет лёд по Амуру, пока верховья его самых северных притоков не освободятся. И уже плещет, смеётся бликами тёмная

вода, разудалые волны резвятся в стремнинах, уже в затоках мальчишки купаются-визжат, а по берегам всё ещё лежат и томятся выброшенные и забытые Амуром могучие речные айсберги: позванивают, шелестят, осыпаясь высокими иглами-кристаллами.

Земля ещё толком не оттаяла, по утрам нередки ледяные глазури, и вечерами зябко тянет холодом, но днём солнце жаркое, жгучее. Наконец-таки распускаются почки деревьев, раскрывают ребячливые листики, вкрадчивыми щепотками пробиваются травинки, радостные одуванчики зацветают, а следом — фарфоровые яблоньки, жемчужные вишенки, мраморно-белые груши, а уже за ними — кипенные черёмухи. А как сорвут, завьют горячие ветра черёмуховый снег, то уже лето наступит.

Финал весенней симфонии. Потом польются песни лета. Песни тёплых гроз, лугов, сплошь цветущих золотыми лилиями-саранами, белых придорожных маков на беззащитно-тоненьких ворсистых гнутых ножках...

Эко куда я мыслями улетел. На Амур, за семь тысяч километров. И вовсе не весна сейчас там, размечтался...

А меж тем стал падать снег. Опускается густо отвесно огромными, как перья, хлопьями. Уже и другого берега старого пруда не видать. И так тихо-тихо стало, что даже дыхание в груди таится, и только слышно, как сердце гулко стучит. И всё стало белёхоньким, а нежные пёрышки всё падают и падают.

Страна дождей

Непогодой назвал бы нашу летнюю жару.

Знойно гнетуще. Жухнут травы, рабски снимают листья, в морном выцветшем небе плавится бесформенное светило. Ни продохнуть. Ни спрятаться. И мглистыми ночами душно, не отпускает.

Но приходит август. Месяц гроз.

Перед рождением первой грозы мир обомлевает, цепенет, как пред погибельным пределом. Надсада, растерянность, опустошённость. На деревьях листик не шелохнётся. Птицы не летают, голосов не подают. Время останавливается. Пыльные окрестья недвижны. Даже сердце замирает, раздумывает — стучать ли...

Дневная тягучесть перерастает в ночную. Где-то за горизонтами беззвучно проблёскивают, круговертят, но никак не приближаются грозы.

И только за полночь, под самое утро, когда и не надеешься уже, вдруг сверкнёт рядом совсем! Разорвёт, треском ошеломит тишину! Ударят хлесткие капли. И как обрушатся лавины негаснущие молний и каскады несмолкаемые громов! И как хлынут потоки вод! Сначала полосами, окатно. Вослед густо, огрузно.

Отраднo, тревожно, жутко. А люди улыбаются, засыпая блаженно под высверки, сияния и грохот. Потом приходит рассвет.

1. В Европейской России «подснежниками» называют совсем другие, чаще — белые, цветы. В Красной книге наш амурский первоцвет величают «прострел Турчанинова», назван именем знаменитого ботаника — красноярского (еврейского) губернатора Николая Степановича Турчанинова: ещё во времена А. С. Пушкина собрал он лучшую в России коллекцию гербариев, написал книгу «Байкало-даурская флора», ценимую учёными и в наши дни. — Прим. автора.

Наступает утро упокоения и чистоты.

Умиротворённость и благоуханность—дольный мир после грозы.

Благорастворение воздушных.

А как милы сердцу слепые грибные дожди! Они из детства. Солнышко даже за облака не прячется, щурится, жмурится. Серебряные дождики свозь лучи моросят. И зонты люди не раскрывают. А промокнув, не огорчаются. Но главное, ручаюсь, обязательно случаются радуги. Можете проверить.

Вёснами и летом бывают и самые обыкновенные дожди. Вдруг явятся из ниоткуда, пошумят, а потом растворятся в синеве неба и просохнут в зелени травы. Тоже хорошие дожди.

Обложные дожди, когда всё небо плотно беспрочно затянато. Могут идти многими днями и ночами напролёт. И кажется, уже конца им никогда не будет, что во всём мире так.

В такие дожди хорошо думать, ничто не отвлекает. И в этом своя прелесть.

Лихие от напора ветров дожди-косохлесты. В пути застанут—сухим не выбраться. Зато так хорошо после них греться у дымного костра, у натопленного камина или у раскалённой печи,—приключения, о которых рассказываете, посмеиваясь.

Дожди с градом, горохом-разбойником, иногда в мандарин величиною и лебяною формой. Они жестоки, беспощадны, но и в этой безумной стихии есть чарование.

Дожди со снегом. Они могут пойти и в августе. Люди любят фотографировать в такую погоду цветы, считают их необычно красивыми в снежных шапках и сугробах.

Осенние дожди. Спокойные, затишные. Сквозь них не надо торопиться. Они наполнены мудростью, надеждами и думами о вечном.

Проливаются, моросят, низвергаются, тарабанят, шелестят и грохочут ливни, дождики и грозы. В России они особенные. Приносят печали, томления и радости, преисполняют сердца вселенской любовью.

Кукушкины слёзки

Под утро, чуть свет, приснился мне цветок—венерин башмачок. Глаза не открывая, боясь спугнуть наваждение, стал о нём думать. Этот цветок мама называла «кукушкины слёзки». Дивное прозвание на нашем Амуре. Цветок и впрямь похож на дутую обманную каплю—слёзонька кукушки по подброшенному кукушонку.

Амурский венерин башмачок—таёжная орхидея. Встречал разных видов и окраски. Есть с россыпью бисерных крапинок на пухлом зеве цветка. Бывает нежно-золотистый. А ещё светло-лиловый. Ещё и малиново-розовый, похожий на капризно надутые губочки с трепетно проступающими яркими капиллярами.

Часто венерин башмачок видел рядом с ландышами, должно быть оттого, что зацветают в одно время—конец мая и начало июня. У белого ландыша дерзкий радостный запах, рядом с ним аромат орхидеи неуловим. Но на таёжных полянах, у опушек рощ и лесочков являлись мне и одинокие венерины башмачки, а порою семейки. Даже в горной тундре на съёмках фильма о северном заповеднике встретился крохотный, обдуваемый ветрами. Помню, директор заповедника опустил перед едва приметным цветиком на колени, восторженно, затаив дыхание, со всех сторон щёлкал затвором фотоаппарата, сказал, что ещё никто никогда в мире не встречал орхидею, растущую в таких условиях.

Венерин башмачок занесён в Красную книгу России, охраняется законом.

И о запахе амурской орхидеи. Оказался он тонким и нежным, трогательным, волнующим. Как-то в Таиланде был на экскурсии в великолепном Саду орхидей, в королевстве тысяч фантастически красивых цветов, но что удивительно: совсем не помню их запахов. А прозрачный аромат моих таёжных кукушкиных слёзок, кажется, не забываю. Не от этого ли воспоминания я улыбался, просыпаясь?

Июнь

Ромашки. Боже мой! деревенские барышни на выданье—рыженькие в беленьких сарафанчиках. Вот она—красота первозданная!

А на васильки гляньте: ясноглазые красавцы, в городах такие не рождаются. Васильки какого цвета? Василькового! Небесного! Такого цвета глубокое небо, промытое первыми грозами. Время васильков—июнь. Цветут они на лугах и вдоль полевых дорог. А ещё во ржи их всегда увидите, посеи рожь—васильки сами вырастут.

В безоблачном небе долгая-долгая трель жаворонка. Голову запрокинешь, прикрываешь ладню солнцем, шуришься лучам, а восторженного певца не разглядеть, как же высоко он взлетел.

Лотосы моей родины

Архаринский район Амурской области, где я родился, уникальнейший во всей нашей необъятной России: когда-то от Великого оледенения уголок этот защитил Большой Хинган—вулканический горный хребет. Оттого сохранились на реликтовых озёрах дивные тропические лотосы.

Не рискну сказать, какого цвета мои царственные водяные лилии, да и невозможно это. Лотос

в течение дня постоянно, во времени почти непрерывно как, меняется.

Цветок Солнца. Огромные лилии всегда обращены к солнцу, движут гордые головы вслед за светилом. Ночью лотос спит, с закатными лучами складывается в тугой бутон, с рассветом расправляется.

Утром лотосы самые яркие, с матово-восковым отливом. Розовые, чуть малиновые.

Но и рассветные лотосы неравномерны цветом. У кончиков лепестков окрас насыщенный, в центре — мягкий. Дорожки светлого от сердцевинки лучиками тянутся и растворяются.

Сердце цветка — глянецкий золотой конус, семенная коробочка с изыщным, каким-то космическим контуром, а ещё она похожа на аккуратное рыльце садовой леешки, даже дырочки в ней просматриваются, обрамлена множеством тычинок с густой жёлтой пылью. Запах лотоса плотный, сладкий и терпкий, нравится пчёлам, их часто увидишь пирующими. Всю жизнь мечтаю попробовать на вкус лотосовый мёд. Родом из мест, где лотосы тысячи лет цветут на древних озёрах, оттого что-то и воображаю себе.

Днём лотосы бледнеют, порою белеют, заполняются солнечным светом. Цветы могут почти лежать на воде, но чаще — гордо подняты над нею упругими высокими стеблями.

Лепестки лотоса всегда чистые и сухие.

Удивительно, даже сорванными, поставленные в воду, лотосы продолжают сжимать и раскрывать лопасти лепестков, в течение дня меняют окраску — столько в них великой силы и желания жить. Это мне рассказали, сорвать самому — не смел и подумать.

Цветок похож на многокрылую бабочку, грациозно взъерошенную, взметнувшую ярус огромных чуть заострённых крыльев.

Размерами лотос ошеломляет, в садах таких цветов не встретите, диаметром лилия сантиметров в тридцать. А зелёные округлые листья — до полуметра: кажется, что по ним ступать можно. Листья, как и цветы, никогда не намокают, только очень ранним утром видел на них редкие перламутровые шарики тёмной росы.

Цветок мудрого Будды, в нём — очищение, просветление, вечность...

Стараниями и заботой добрых людей сейчас лотос бережно расселяют по озёрам Приамурья, охраняют, его изображения становятся брендовыми. Лотос, он тоже цветок России.

Где грибы — там и мы!

Солёные грузди

На камбузе и на кухне отец мог только картошку варить, картошины в его кастрюле были многогранниками. Но как умел засолить рыбу в пряном тузлуке! Как солил грузди!

Из всех навигаций привозил дубовую бочку груздей. А если работал в низовьях Амура, ещё и солёную горбушу. Куда нам столько, — мама раздавала по соседям, денег не брала, хотя рыбу отец не ловил, покупал у нанайцев, но грибы собирал сам.

О чудесных хрустящих груздочках расскажу. Как в детстве у отца увидел, так и солю, только не в бочке, не те масштабы.

Убеждён, заготовка груздей — занятие сугубо мужское.

Грузди ещё надо суметь найти, всегда прячутся под слоем опавшей листвы. Я их присутствие по запаху чую. А как увижу взрыхлённые бугорочки и срежу первый груздок — всё по кругу прочешу, по одному не расту. И бежать дальше не тороплюсь, в том же ярусе леса обязательно найдутся и другие семейки. Хорошо искать грузди на взгорочках и по сопкам: идёшь снизу-вверх зигзагами и видишь, как выглядывают, подсматривают за тобой.

Я беру сырой груздь. Шляпки у него с ямочками в центре, а краешки с мохнатой бахромой, у молодых плотно загнуты к ножке. Молоденькие — тугие сизовато-беленькие, а подростки — в лёгких рябушках-рыжиках. По срезанной ножке с выступившим млечным соком видна свежесть гриба, шибко проточенные червячками брать не стоит.

Принесённые из леса надо очистить от прилипших листочков и хвоинок. Большие шляпки разрезать на половинки и четвертушки. Промыть проточной водой.

Потом вымачивание. Сок грибов горький. В Германии и большинстве европейских стран грузди считают несъедобными и ядовитыми. Не отсюда ли пословица: что русскому хорошо, то немцу — смерть? Много они понимают, ха-ха, попробовали бы под русские грузди свой шнапс. Нет, лучше холодные солёные грибки — под заиндевелый лафитник нашей!

Для вымачивания укладываем грузди вниз шляпками, заливаем чистой водой, сверху плоскую тарелку с гнётом. Часов через шесть вода помутнеет, меняем на свежую, и потом вновь. Продолжается это два-три дня. Как-то видел у таёжного пасечника: сетки с груздями, прикрытые ветками маньчжурского дуба, полопались в чистейших струях холодного родника — идеальный вариант!

Приступаем к засолке. Достаём грибы по одному, осматриваем, заскабливаем непонравившиеся пятнышки. Выкладываем слоем в посудину. Посыпаем крупной солью. Поверх выстилаем листья чёрной смородины, молодые дубовые, лопухи хрена, спелые зонтики укропа, зубчики чеснока. Вновь слой грибов, на него те же ароматные приправы... загружаем ёмкость доверху. Не бойтесь придавливать, грузди после вымачивания становятся эластичными, не раскрошатся. Сверху

два-три слоя листьев хрена, смородины и гнёт потяжелее. Если грибов маловато, можно подложить вымоченных из следующего сбора. Грузди солятся долго — сорок дней.

Первые дни идёт брожение — желательно деревянной шпажкой по краешкам давать выйти пузырькам газа. Когда процесс успокоится, грибы можно переложить в банки, поплотнее, чтобы не было воздушных пустот, иначе окислятся и почернеют. Все слои груздей перестелить теми же приправами, под укупорную крышку — побольше, чтобы грибы не высывались.

Пишем на банке дату засолки, ставим в холодильник и набираемся терпения. Напоминаю: сорок дней!

А уж как откроете готовые...

Какие грибы лучшие?

В наших лесах — белые. Всегда к ним с трепетом отношусь, а собрав, не спешу отправить на сковородку, жалко, — лучше высушить впрок. Как чудесны грибные супчики зимою! Размочив, сушёные белые можно и пожарить. Но супы таки лучше: горсточка грибов, а аромат на весь дом, даже соседи по лестничной площадке завидуют. Рецептов супов из белых не счесть, потому что всегда импровизирую. Не поверите, даже в борщ их кладу.

А вот что заметил: лесные белки белым и другим грибам предпочитают маслята. Возможно, оттого, что эти грибы растут в сосняках, где часто и обитают белки. Основная их еда — семена сосновых шишек. Небось, видели под кронами сосен шишки, ободранные до кочерыжек? Это белочки потрудились, откушали маслянистых зёрнышек, но большей частью где-то припрятали. Должно, вкусные. А вы знаете, что сибирские и дальневосточные кедровые орешки — не совсем кедровые? У нас растёт кедровая сосна, а кедр — в субтропиках да в краях, где зим не бывает. Но это я отвлёкся. Об орехах как-нибудь в другой раз. Про маслята речь завёл. Не раз видел эти грибочки наколотыми на веточки, встречал и на пеньках разложенные. Это всё белочки. Высушивают про запас, почти как я, чтобы зимою насладиться. Что-то в закрома потом снесут, а могут и на сучках оставить. Выскочит белка в морозный день из гнёздышка-дупла, снимет сушёный маслёнок, в лапках-ручках зажмёт и грызёт, жмурясь от удовольствия. Так что маслята — грибы не второсортные, белка толк знает.

Как-то собираю маслята в сосновом лесочке, ползаю на коленях по опавшей хвое, и вдруг по голове меня что-то тукнуло; глянул — крепенький такой маслёнок. Глаза поднимаю: белогрудая белка надо мною, смотрит обиженно — её добыча у меня в руках оказалась. Осторожно, чтобы не спугнуть, нанизал грибок на сухую ветку повыше. А потом шёл и лыбился, как дуралей, и маслята из лукошка

по сучкам развешивал. Если хотите видеть белок в лесах, не жадничайте, делитесь с ними. Так можно и городских белочек подкармливать, когда грибы из лесу привезёте.

А ещё приметил: белки любят подберёзовики. Я их тоже люблю — поджаренными до румяности.

О солёных уже рассказал, сейчас — о жареных грибочках. Ну, держитесь.

Грибы жарим!

Огорчаюсь, когда кто-то неправильно жарит грибы, и получаются они варёными, расплзающимися. Послушайте бывалого грибника.

Свежие грибы нельзя мыть и замачивать. Конечно, есть виды, которые из-за горечи и непривлекательного запаха советуют предварительно отваривать, но не о них речь. благородные лесные грибы — белые, боровички, лисички, подосиновики, подберёзовики и шампиньоны (в том числе из магазина) — промывать нельзя! Иначе наполнятся излишней влагой и поплывут на сковороде. От соринки грибы достаточно очистить острым ножом.

Потом режем на ломти одной толщины. Раз-мерами грибы разные, а так они и приготовятся одновременно, и, поверьте, реально станут вкуснее.

По поводу репчатого лука в грибах даже не спорьте. Тонкую грибную ароматность жареный лук не перебьёт, сделает изысканнее — оттенит свою сладковатостью. Первым делом на среднем огне поджариваем колечки лука до красивой золотистости.

Потом сковороду с карамельным луком раскаляем на высоком огне и, секунды не медля, выкладываем грибы. Чуть прихватились — лопаточкой нежно-ласково переворачиваем на другой бочок, потом снова... ломтики должны со всех сторон зарумяниться соблазнительной корочкой, она сохранит грибные соки. Сами наши грибочки станут поджаристыми, уменьшатся размерами раза в два. Это уже момент готовности.

Солим только сейчас, раньше нельзя — вытечет сок. Снимаем сковороду с огня.

От сумасшедшего запаха голова кружится. А мы ещё посыпаем грибочки свежим душистым укропчиком-м-м-м...

Всё! Пробуйте.

А я что говорил?!

Хотите в сметане? Легко! На горячую сковороду — в уже поджаренные грибы — положите две ложки жирной сметаны, доведите до кипения, грибы пропитаются нежной сливочной кислинкой. Но в сметане лучше не жарить, а запекать в духовке.

Ну а к вкуснейшим жареным грибам гарнира лучше молодой отварной картошки человечество пока ничего не придумало. Однокалиберную некрупную картошечку отварите, слейте воду, дайте минуту подсохнуть, чтобы беленьким забархатилась, потом на неё сметану — щедро так, а поверху

опять-таки укропом рубленным и ещё веточками для украшения...

Ивовое лукошко

Много лет бродил с ним неспешно и торопко в погоды ясные и дожди ненастные по тайге, лесам и перелескам.

Попадались грибы и когда без лукошка был. В Комсомольске-на-Амуре видел на газоне под-осиновики. Город в тайге строили, сохранились грибницы. А уж по северным дальневосточным городкам и посёлкам красноголовики—привычные уличные грибы. Встречал их в Тынде, Бомнаке, большом эвенкийском селе Ивановское. Экологически чистые места. Местные у подосиновиков берут только тугие маленькие шляпки; меня как-то угостили банкой маринованных, не счесть сколько их там было.

У калитки моего дома в Калининграде шампиньоны время от времени появляются, а чуть в сторонке под деревьями—моховики. Не срезаю, в большом городе не стоит, хотя очень соблазнительны. А вот в Благовещенске городские грибы доводилось собирать. В Первомайском парке, где Зeya впадает в Амур, ещё ребёнком с мамой собирали пригоршни подберёзовиков. Парк тихий, чёрные и белоствольные берёзы от сохранённого лесного уголка. И за моим телецентром рядом с набережной, в запущенном сквере имени Сорокалетия ВЛКСМ, подберёзовики собирал, хотя там деревья не от леса, комсомольцы в 1958-м посадили. А во дворе самой телестудии под соснами ребята-операторы каждое лето маслят резали, потом, не в силах утерпеть, в своих закутках жарили на электроплитке—вкусные запахи щекотали в эфире ноздри ведущим и гостям телевизионных программ.

...Ещё поброжу с моим лукошком, о повадках и тайностях грибов расскажу—истории охоты за ними всегда полны приключениями и открытиями.

О головокружительных ароматах, превосходностях вкусовых ноток и оттенков наших грибов надо писать не кулинарные книги, а художественные рассказы, доверяя это только самым виртуозным мастерам слова. Попытался как смог. А что оранжевые лисички пахнут абрикосами—не успел рассказать... и как янтарные рыжики наивкуснейшими хрусткими-ядрёными засолить... Да, не вздумайте рыжики вымачивать!

Сладкие яблочки

Собирал яблоки. Старался аккуратно с куста снимать, чтобы не упали, но несколько всё-таки стукнулись оземь. Отдельно и их в пакет положил, жалко. Я же дальневосточник—яблоками не избалован. А упавшие лежали дома пару часов и потемнели подмятыми боками. И вспомнил из детства. Мама мне и брату в зиму покупала ящик

яблок. Выдавала каждый день по одному-два—жили небогато. Мы с братом Серёжей, ещё дошколята, конечно, знали, что яблоки хранятся в подполье, где и картошка. Когда одни дома оставались, открывали в полу тяжёлую крышку и потаскивали. Не нагло, понемножку. Мама о наших проказах знала, делала вид, что не замечает. Яблоки были китайские—твёрдые и кислые. Но если их хорошо постучать друг о дружку, полежат, мягкими и сладкими становятся. И решили мы сладкими сделать все яблоки. Побили, помяли оставшиеся в ящике. И притихли, как мышата. Думали, мама может похвалить за сообразительность. Наши яблоки стали темней, а потом и портиться. Мама это увидела, расстроилась. Вы, сказала, медвежата, это они так поступают, чтобы яблоки засталились.

А ещё отец из лесу, по морозам уже, приносил домой веточки яблочек-дичек. Рясные-рясные, пунцовые и почти прозрачные—чёрненькие семечки просвечивались, а уж какие сладкие! Сегодня кажется—ничего слаще в жизни не ел.

Стрекоза

Июль, палящий зной, зыбко слоится воздух. Поток солнца обжигают, прохожие идут чуть тенистым краешком вдоль сникших деревьев.

Увидел её на тротуарной плитке—прозрачные крылья безжизненно опущены. Наклонился, поднял. Занесло же бедолагу в хаос городской суеты. Ладно бы в парк улетела или на полянки городских клумб—в этом районе последние травинки пожухли.

Красивая: голубые дымчатые полушария фасеточных глаз, грудка зелёного нефрита, брюшко синее, перламутровое. Лапки недвижны, скрючены. Осторожно трогаю пальцем эти лапочки. Живая! Ухватилась цепкими коготками. И куда мне её? Поменял я маршрут, отнёс стрекозку на пруд у моего дома, устроил в тени камышей.

Вот как-нибудь приду на берег с удочкой, и моя стрекоза прилетит, сядет на поплавок и будет его раскачивать. Да ладно, скажу ей, сдались мне те караси, веселись, красавица!

У стрекозы любимая забава—на поплавке рыбака танцевать.

А как она охотится на комаров! Вспомните, вы видели: ловит на лету в стремительном рывке, зажимает в лапках, первым делом отгрызает крылышки, а пока те тихо падают, зависает в воздухе, со всех сторон обжёвывает комарика, заглатывает, тут же—броском в сторону—хватает следующего, опять крылышки опадают... Места охоты стрекозы усыпаны комариными крыльями. Чтобы приметить это—надо вернуться в детство.

Воробушки

В детстве я слышал, как просыпаются воробьи. Их гнездо было за верхним наличником окна.

Воробушки чувствовали приближение рассвета: копошились, сонно чивкали. На восходе, даже раньше, боясь пропустить первые лучи, выпархивали из тесного укрытия на край наличника и, шумно встрепенувшись, чистили пёрышки. А как только из горизонтов чуточку пробивалось солнце, начинали скакать, громко чирикать. Вот всем бы просыпаться с воробьиным восторгом!

Под окном рос куст черёмухи, посаженный мамой. Воробьи всего двора слетались на него, прыгали по веткам, задирались, ссорились, разлетались, тут же возвращались. Мне казалось, что они нас развлекают, это у них понарошку. На самом деле очень дружны: если воробушек увидит угощение — хлебные крошки, зёрнышки — подлетит, бочком-бочком подскочит, клюнет разочек и тут же сорвётся за товарищами, — уже в шумной компании приступит к трапезе. Конечно, когда гоняется за порхающей капустницей, подмогу не зовёт. Но и не себе он ловит, а птенчикам. Бабочек, червячков, гусениц воробьи выискивают исключительно для своих детишек-воробьишек. А кормить ещё голеньких начинают зелёной сладкой тлём: с листьев собирают её в липкие пучочки и к гнёздам спешат. Только и успевают от зари и до зари без продыхов и остановок крутиться взад-вперёд туда-сюда: голодных желторотиков в гнезде бывает с десяток. И как только сил не лишаются да на крыльях держатся? Мы бы от изнурения умотались, упали наземь и лапки отбросили.

При неустанной колготне-заботе растут воробьята быстро. Уже через две недели покидают гнёзда для первых полётов. Короткокрылые, почти бесхвостые птенцы перелетают на ветки, потом на землю. Прыгают рядом со старшими, но не самостоятельны: клювики восковые и всё ещё жёлтые, — мамы с папами продолжают потчевать своих взъерошенных чад, а те размерами кажутся больше родителей.

Если присмотреться, различать птичек несложно. Птенцы посветлее: пушистые, без пёстреньких перьев. У взрослой воробьихи серые голова и шейка, над глазом бледно-жёлтая полоска. А у воробья на горлышке и груди большое чёрное пятно, темя тёмное.

Хлопотливые и удивительно смелые создания. Не раз видел, как стайкой и в одиночку отважно защищают своих детей от нападения сорок и ворон. Не думая о себе, в безрасудном отчаянии набрасываются даже на свирепеющих в охоте кошек.

Спросите, к чему мой незатейливый рассказ? Так ли необходимо отличать воробья от воробьихи? Вы при случае о том малышам расскажите, уверяю, им занятно будет. Да и не только малым занимательно.

Давайте найдём часок, присядем на лавочку, покрошим перед собою из батона. Не важно, в какое

время года. Солнечно будет или хмарно, затишно или ветрено — прилетят воробушки. Впорхнут, подскокач бочком, в глаза глянут: с добрым ли намерением? Ухватят кусочек, отпрыгнут, отлетят в сторонку. Потом вновь вернуться, уже и поближе к нашим ногам. Они недоверчивы, жизнью тёртые, но хорошего человека распознают, могут и с ладони поклевать. Рискнём, проверим себя. Только, если не случится, на воробушков не будем обижаться, лучше задумаемся, что в нас не так.

Воробьи, воробушки... Всегда рядом с нами: за наличником окна маминого дома... у пасхальных куличей на погосте...

Шутник

В деревне пастух был. Звали его Полтора-Ивана. Здоровенный такой дядька, но глуховатый. Осенью погнал он коров через убранное кукурузное поле, и тут волк ему на спину запрыгнул. Вцепился мёртвой хваткой в брезентовый капюшон плаща, рычит, мордой крутит. А Полтора-Ивана на ухо тугой, рыка волчьего не слышит. Подумал, что кто-то из деревенских с ним пошутил, на спину запрыгнул, покататься захотел. Бригадир колхозный любил так порезвиться.

— Да ладно, — говорит Полтора-Ивана, — пошутил и слазь. Не буду я тебя катать.

Шутник не слезает, ещё и дёргается на спине. — Что за дурак? — говорит пастух.

А тут вниз глянул и увидел, что между ног серый хвост болтается.

— Что за ерунда? — нагнулся, схватил за хвост и дёрнул хорошенько.

Батюшки! Так это же волк!

Полтора-Ивана, не выпуская хвоста из рук, раскрутил хищника над головой и со всей дури в ствол дерева запустил. Волк после стремительного полёта над полем и жёсткого контакта с придорожным тополем сдох сразу, даже не визгнул. Крупный волчара оказался, всех коров распугал. Пришлось до вечера стадо собирать.

А в деревне над пастухом потом долго смеялись.

Конфуз

Борода у деда во-о-от такая, до пояса. Сам он — мужчина крупный и очень старый. И собака у него тоже большая и старая, очень лохматая. Они вместе любят сидеть на завалинке, греться на солнце. Дед всегда в шапке и валенках. Собака сама как старый тулуп в серых валенках. Иногда дед один сидит. А иногда собака без деда.

Соседка Бабаня, баба Аня Бабанина, старушка подслеповатая, мимо идёт, кланяется:

— Здравствуйте, дедушка.

Пёс в ответ: «Гав! Гав!»

— Тьфу, нечистая! Прости Господи!

В другой раз сам дед на завалинке. Бабаня вновь идёт, кланяется:

— Здравствуйте! Вы собачка или дедушка?

— Дедушка!

— Слава Богу, прости Господи!

А ещё дед рыбалку любит. На деревенское озеро ходит с правнуками Сёмкой и Васькой. Штаны снимут—и давай руками карасей ловить. Дед свою длинную рубаху в поясе верёвкой подвывает и рыбу за пазуху прячет. А собака на берегу ждёт.

Вот раз увлёкся дед рыбалкой. Правнуков эта затея утомила, стали они нырять и плескаться. Дед ловит и ловит, а пойманные караси разгулялись в пузыре рубахи и давай его в воду тянуть. Дед к берегу хочет вылезть, а рыба в глубину тащит. Дед кричит:

— Сёмка и Васька сиротами остались! Внучата сиротами остались!

Главное дело, но помощь зовёт, а причитает по внукам-правнукам. Людям и невдомёк, что тонет.

Только пёс все понял, бросился в воду и стал за ворот деда тянуть. А тот пузырь рубахи руками держит, чтобы караси не разбежались. Здесь и народ подоспел—помогли вытащить.

Счастье

Реанимация. Белые ширмы. Сосед, весь в проводах и трубочках, улыбается в потолок:

— Сорок пятый. Весна. Уссурийск. Мне четыре года. Жили в угловой комнате казармы. Вбегает отец, очень возбуждённый: «Дежурный! Открой пирамиду!» Прибегает сержант—дневальный по казарме, открывает замок комнаты, где в пирамидах составлено оружие. «Давай пулемёт!—отец хватает пулемёт.—Коробку патронов—и за мной!» Отец вылетает на улицу, за ним с большой железной коробкой гремит сапогами дежурный. Солнечный день. Я бегу следом. И отец меня не прогоняет. Он зовёт меня. Я понимаю: сейчас будет война. Отец будет стрелять по немцам-фашистам, и я ему нужен. И страх, и восторг.

Отец устанавливает пулемёт на забор. Сержант подаёт металлическую ленту с жёлтыми патронами. «Ура-а-а!—кричит отец и длинной, очень длинной очередью веером выпускает пули в весеннее небо.—Ура-а-а! Победа-а-а!» Откуда-то выскакивают люди с оружием. Все стреляют и кричат. Мне становится страшно, я убегаю и прячусь. Мама находит меня в темноте под кроватью, на руках выносит в ясный день. Мама плачет и целует меня: «Победа, сынок. Победа...»

Письма в минувшее

Брата похоронили за кованой оградкой рядом с мамой. Когда-то он целую зиму выковывал ту оградку, устанавливал её, показал, где будет и его могила.

Серёжа был учителем. Жил в учительском доме во дворе школы. Уже и не работал по болезни, а к нему стучались в любое время днём и ночью, если случались аварии: отключалось электричество, забивало канализацию,—шёл, ладил, ремонтировал, спасал. Мужик. Всё умел делать.

Он писал картины по памяти: приамурские пейзажи, трогательные натюрморты цветов. Вырезал из дерева таёжных изюбрей, лосей, глухарей. Всё это было развешано по стенам школы от гардероба до самых дальних её уголков. И ни один ученик не осмеливался что-то повредить, все знали, чьи это работы.

Когда перестал вставать, звал жену читать и перечитывать мои рассказы. Слушал. Просил передать, чтобы вспомнил я и написал о том, как в детстве мы ехали с мамой в тёмную ночь на попутке-полупортке где-то очень далеко за городом, куда-то к отцу ехали, и заглох мотор, стало темно, машину окружили волки... Я пытаюсь вспомнить ту историю, но никак не могу. А ведь я на три года старше.

Не успел расспросить. И не вывести уже ни в разговорах, ни в письмах.